

К вопросу международно-правовой защиты иностранных инвестиций в эру цифровой экономики (теоретический аспект)

В. А. Середа

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: vs550461@gmail.com

On the Issue of International Legal Protection of Foreign Investment in the Era of the Digital Economy (Theoretical Aspect)

V. A. Sereda

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: vs550461@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые теоретические аспекты международно-правовой защиты иностранных инвестиций в эру цифровой экономики. Автором освещаются отдельные проблемные моменты урегулирования инвестиционных споров между инвестором и государством, а также прослеживается судебная практика арбитражных трибуналов Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦИУС). Подчеркивается важная роль судебного прецедента, Вашингтонской конвенции МЦИУС, Венской конвенции о толковании договоров (далее – Венская конвенция) и научных разработок в идентификации иностранных капиталовложений на современном этапе общественного развития. На основе их анализа вносится вклад в разработку категории «иностранные капиталовложения» и обосновывается потребность дальнейшего применения в полном объеме теста Салини в практике арбитражей МЦИУС для квалификации проекта в качестве зарубежных вкладов в экономику. Подчеркивается, что Конвенция содержит всеобъемлющие концептуальные юридические и экономические характеристики капиталовложений с иностранным элементом, пригодные для оценки в арбитражной практике урегулирования споров между инвестором и государством в условиях цифровой экономики, которые должны проецироваться в национальное законодательство и межгосударственные соглашения об инвестициях для создания благоприятного инвестиционного режима и воплощения гарантий защиты иностранных инвесторов на основе наработанного арсенала экономико-правовых исследований.

Ключевые слова: международный инвестиционный арбитраж, международное право защиты инвестиций, гарантии защиты инвесторов, оптимизация урегулирования споров инвестора с государством.

Abstract

The article discusses some theoretical aspects of the international legal protection of foreign investment in the era of the digital economy. The author highlights some problematic issues of the settlement of investment disputes between the investor and the state, as well as the judicial practice of the arbitration tribunals of the International Center for the Settlement of Investment Disputes. The important role of judicial precedent, the Washington Convention of the ICSID, the Vienna Convention on the Interpretation of Treaties (hereinafter referred to as the Vienna Convention) and scientific developments in identifying foreign investment at the present stage of social development are emphasized. Based on their analysis, a contribution to the development of the category of foreign investments is made and the need for further full application of the Salini test in the practice of ICSID arbitration in order to qualify the project as foreign contributions to the economy is substantiated. It is emphasized that the Convention contains quite comprehensive conceptual legal and economic characteristics of investments with a foreign element, suitable for assessment in arbitration practice of the settlement of disputes between investor and state in a digital economy. Which should be projected into national legislation and interstate investment agreements to create a favorable investment regime and

implement guarantees for the protection of foreign investors on the basis of an established arsenal of economic and legal research.

Keywords: international investment arbitration, international investment protection law, guarantees for investor protection, optimization of the settlement of investor disputes with the state.

Вошедшая в нашу жизнь цифровая экономика выступает сегодня ключевым фактором роста и устойчивого развития, а также становления современного гражданского социума. Стремительно развивающиеся на фоне этого региональные интеграционные процессы и продвигающаяся инновационная и технологическая оснащенность [5. – С. 8] нацеливают регулятора на реформирование и обновление всех сфер общественной инфраструктуры и экономического потенциала нынешней России. «Перед Россией стоит задача не просто войти в пятерку крупнейших экономик, а обеспечить технологическое и пространственное развитие, повысить уровень жизни граждан»¹. В свою очередь «экономические преобразования вызывают широкую потребность предпринимательской инициативы и максимального получения частных капиталовложений» [8. – С. 22]. Президент России Владимир Путин, допуская приход зарубежных инвесторов в отечественные стратегические отрасли, в своем выступлении на пленарном заседании ВЭФ заявил, что не видит «ни одного направления, которое могло бы быть закрыто для наших иностранных партнеров. Наоборот, мы заинтересованы в их привлечении»². В этих условиях остаются актуальными результаты новейших доктринальных разработок для выработки единой отечественной стратегической политики в сфере иностранных инвестиций с целью создания привлекательного инвестиционного климата в государстве в условиях ограниченного внешнего финансирования. Имеющиеся научные достижения, находящиеся на стыке экономической и правовой науки, в целом отражают общетеоретические и практические потребности индустриальной эпохи и рыночной экономической формации. В то же время на их основе следует и дальше развивать исследовательский потенциал международного права защиты инвестиций уже исходя из потребностей цифровой экономики и инноваций через взаимодействие правовой и экономической составляю-

щих. Поэтому нарабатанный теоретический и практический материал последних десятилетий и сложившаяся арбитражная практика урегулирования споров между инвестором и государством-реципиентом (ISDS), подчеркивают актуальность проводимого исследования и выступают новым вектором комплексного рассмотрения современных проблем защиты иностранных инвестиций на межгосударственном уровне, выработки последовательного подхода к толкованию дефиниции «иностранные инвестиции» в науке и практике арбитражных трибуналов, а также поиска оптимальных путей реформирования системы инвестиционного арбитража МЦУИС в эпоху цифровых технологий и инноваций.

Цель настоящего исследования: рассмотрение проблематики категории «иностранные инвестиции» и ее роли в практике урегулирования споров трибуналами Международного центра по урегулированию инвестиционных споров между частным инвестором и государством для оптимизации и дальнейшего совершенствования механизма международно-правовой защиты иностранных инвестиций в эру цифровой экономики.

Методы исследования: анализ и синтез, логический метод, сравнительно-правовой метод, обобщение, экономико-правовой метод.

Постановка задачи

В условиях цифровизации экономики мировое сообщество сталкивается с рядом новых и сложных проблем, в том числе и в сфере международно-правовой защиты инвестиций. Специфика международного права защиты инвестиций имеет свои особенности. Во-первых, данное право в значительной степени наполняется содержанием и развивается на основе подпитки практикой (судебными прецедентами) урегулирования споров в арбитражном производстве с участием государств и инвесторов. Во-вторых, его развитие, как правило, происходит соответственно ex post перспективы, т. е. когда отношения между принимающим государством и инвестором уже перешли в спорный характер [9. – С. 81].

Урегулирование споров между инвестором и государством арбитражными трибуналами Международного центра по урегулированию инвести-

¹ URL: <https://rg.ru/2019/06/06/reg-szfo/putin-priglasil-inostrannyh-investorov-v-nacproekty.html>

²URL: <https://russian.rt.com/business/news/665287-dalnii-vostok-inostrannye-partnery>

ционных споров (далее – МЦУИС/ICSID), поддерживаемое почти тремя тысячами двусторонних инвестиционных договоров (далее – ДИД/ВТ)¹, служило основным механизмом разрешения инвестиционных споров в течение не одного десятилетия.

Эта правовая система разрешения спорных позиций позволяет пострадавшим инвесторам предъявлять иски к государствам о возмещении убытков в арбитражных судах на том основании, что к их инвестициям относились несправедливо. Однако в последнее время в прессе и научной литературе появились критические нотки в отношении данного международного института урегулирования споров между инвестором и государством.

Для многих критиков основная проблема нынешней системы заключается в том, что она основана на модели коммерческого арбитража с участием специальных трибуналов, состоящих из назначенных сторонами арбитров, осуществляющих контроль за их деятельностью. Хотя их решения, как некоторые полагают, зачастую затрагивают публичное право и политику. В этих трибуналах отсутствует какая-либо апелляционная процедура, которая могла бы дать руководящее разъяснение по делу (кроме узкого процесса отмены явно незаконных решений), что, по утверждению некоторых комментаторов, иногда приводит к противоречивым и непоследовательным результатам, которые, как утверждается, нарушают основные нормы верховенства права.

В течение ряда последних лет некоторые европейские страны выражают определенную обеспокоенность концепцией урегулирования споров ICSID между инвестором и государством, которая ими не всегда обоснованно изображается как наднациональное осуществление власти, а также предоставление компаниям права предъявлять иск правительствам за упущенную выгоду в секретных международных трибуналах.

В данной работе в рамках заявленных целей исследования мы остановимся на рассмотрении лишь некоторых аспектов толкования дефиниции «иностранные инвестиции» в теории и практике международного права защиты инвестиций. Это

одна из самых злободневных и в то же время дискуссионных тем в современном международном праве защиты инвестиций, проецирующая существенные векторы на юрисдикцию арбитражных судов МЦУИС. Именно от ее правильного толкования международными арбитрами зависит не только, что понимается под зарубежными капиталовложениями, но и непосредственный уровень гарантий защиты инвесторов в эру информатизации. В соответствии с этим пониманием и должна вырабатываться определенная преемственность и оптимальность в международном правотворчестве для обеспечения эффективности международно-правового регулирования и результативности арбитражной процедуры.

Международный центр по урегулированию инвестиционных споров и дефиниция «иностранные инвестиции».

ICSID – организация, созданная в соответствии с Вашингтонской конвенцией 1965 г. (далее – Конвенция/Конвенция МЦУИС/Конвенция ICSID)² для содействия международным инвестициям путем создания органа для урегулирования споров между инвесторами и государствами, которые могут возникнуть в результате таких инвестиций³. Подписавшие Конвенцию полагали, что структурированный метод разрешения споров будет стимулировать международные инвестиции, а последние в свою очередь будут стимулировать экономическое развитие. Определяя юрисдикцию таких арбитражных групп, подписанты распространяли ее на международные инвестиции⁴.

Целью ICSID является создание благоприятного климата для международных инвестиций. Этот институт призван защищать инвесторов от прямой экспроприации, а также от других видов неравного и несправедливого отношения. При этом инвестиционный трибунал никак не препятствует государствам устанавливать свои собственные правила и законы. Однако, как оказалось, авторы Конвенции отказались дать единое

¹ По данным ЮНКТАД, по состоянию на 6 апреля 2020 г. в мире заключено 2 997 двусторонних инвестиционных соглашений и 390 других инвестиционных соглашений. – URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements>

² Вашингтонская Конвенция 1965 г. «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами». Открыта для подписания в Вашингтоне 18 марта 1965 г. – URL: https://sccinstitute.com/media/69150/icsid_convention_ru.pdf

³ International Center for the Settlement of Investment Disputes Convention, Oct. 14, 1966, 17 U.S.T. 1270, 575 U.N.T.S.

⁴ Ibid, art. 25 (1).

полное определение дефиниции «инвестиции». Как полагают, разработчики Конвенции решили оставить инвестиции в конечном результате неопределенной категорией, поскольку они ожидали одобрения государств на управление юрисдикцией ICSID [3. – С. 5–12]. Для этого они передали державам право процедуры в письменном виде давать согласие на типы споров, представленных на рассмотрение, в которых они признают или же не признают юрисдикцию Международного инвестиционного суда¹. К сожалению, такое решение оставить дефиницию «инвестиции» лишь в некоторой степени неопределенной, все еще вызывает теоретические дискуссии и разногласия в арбитражной практике ICSID.

При этом, наоборот, как обосновывается дальше в статье, искомая дефиниция «инвестиции» нашла самую оптимальную концептуальную форму отражения в Конвенции, обеспечивая эффективность ее правоприменения. В свою очередь директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заместитель президента Российской академии наук, академик Российской академии наук Талия Хабриева подчеркивает, что именно «эффективность права выступает одним из ключевых инструментов обеспечения инновационной экономики и модернизации» [5. – С. 23], и несмотря на критику, является действенным и жизнеспособным международным инструментом для защиты иностранных инвесторов даже в условиях стремительно развивающейся эры цифровизации.

На практике страны определяют инвестиции в двусторонних инвестиционных договорах и на основании процедуры, а также оценочных критериев, закрепленных в Преамбуле и тексте Конвенции МЦУИС. Это усвоили и сами арбитры, хотя понимали, что одного только письменного согласия государств на процедуру недостаточно для обеспечения гарантий защиты инвестиций. Также должна существовать объективная формула/процедура идентификации инвестиций, чтобы установить внешние границы полномочий арбитража МЦУИС. Без такой процедуры государства могли бы применять ДИД для передачи

любого предмета спора, который они выбрали, в трибунал ICSID. На этом фоне возник вопрос практической разработки работоспособного инструментария идентификации, что следует относить к категории «инвестиции». На помощь в этом процессе пришла арбитражная практика урегулирования споров между иностранным инвестором и государством, принимающим капиталовложения, закрепившаяся в судебных прецедентах.

Поскольку ни одна из сторон в первых делах арбитража МЦУИС не высказала предложение о значимости данной проблемы, то несколько трибуналов без достаточно глубокого исследования пришли к выводу, что определение инвестиций было выполнено объективно.

Тест Салини в практике арбитражных трибуналов МЦУИС

Первый анализ объективного определения инвестиций произошел в *Fedax N 1. v. (Республика Венесуэла)*. Именно в этом кейсе заложены основополагающие элементы-критерии, ставшие в дальнейшем испытательным тестом, состоящим из четырех частей для определения инвестиций².

Этот тест был окончательно сформулирован в 2001 г. по делу *Salini et al v. Morocco*³, которое в настоящее время является ведущим по этому вопросу. Тест Салини определяет иностранные инвестиции как имеющие четыре элемента: 1) вложение финансов или других активов; 2) определенная продолжительность инвестиционного проекта; 3) элемент предпринимательского риска; 4) существенный вклад в экономическое развитие принимающего государства⁴.

С момента появления теста Салини многие арбитры аргументированно принимают его к руководству в определении проекта инвестиций. Тест также стал выступать ключевым инструментом международного права защиты инвестиций в процедуре урегулирования споров инвесторов с государством.

Характерный пример, широко известный на практике, находим в определении по делу *Patrick Mitchell v. Democratic Republic of Congo*, в котором *Annulment Committee* (Кассационный комитет) не признал, что образование офиса адвоката, вклю-

¹ ICSID.4 Report of the Executive Directors on the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States, Doc. ICSID/2, 1 ICSID Reports, 1993, 23, 1 27.

² *Fedax NV. v. Republic of Vene...*, ICSID Case No. ARB/96/3, Decision of the Tribunal on Objections To Jurisdiction, 1381 16, 1997 – July 11; 37 I.L.M. 1380, 1998.

³ URL: <http://italaw.com>.

⁴ URL: <http://italaw.com>.

чавшего некоторых экспертов-юристов, выступало инвестицией в понимании статьи 25 (1) Конвенции МЦУИС, так как было проблематично определить, в какой мере эта структура сделала вклад в экономическое развитие государства Конго¹.

Как видится, неправильная трактовка дефиниции «инвестиция» может выступать непосредственной причиной для аннулирования решения ввиду превышения компетенции арбитража.

В качестве примера следует указать кейс по спорным моментам компании *Malaysian Historical Salvors SDN BHD* и Правительства Малайзии². Комитет *ad hoc* постановил, что арбитражный трибунал вышел за пределы своей компетенции в силу пункта 1 (b) статьи 52 Конвенции, поскольку не взял на себя полномочия по урегулированию спора при наличии следующих из Конвенции МЦУИС и из Соглашения о защите и поощрении капиталовложений между Малайзией и Соединенным Королевством правовых оснований. Арбитражный трибунал проигнорировал требования названного Соглашения, включающего идентификацию понятия «инвестиция», проведя лишь исследование критериев, выделенных в ходе трактовки пункта 1 статьи 25 Конвенции МЦУИС. Трибунал исследовал данную дефиницию через призму их (капиталовложений) вклада в экономику государства-реципиента, исключив те, которые обладают важностью культурных и исторических атрибутов. В то же время трибунал оставил без внимания подготовительные наработки по Конвенции МЦУИС, в силу которых ее авторы воздержались указывать объем капиталовложений и период, за который они должны быть осуществлены³. Другими словами, неверная идентификация искомой дефиниции «инвестиции» повлекла за собой превышение компетенции трибуналом и дала основание для аннулирования его выводов.

Следующий аспект, на который необходимо обратить внимание в ходе исследования арбитражной практики урегулирования споров инвестор-государство, – это случаи отклонения от теста Салини и вытекающие из них последствия. «Некоторые другие группы арбитров в вопросах

применения теста Салини движутся в разных направлениях» [3. – С. 12], что в последнее время, по утверждению некоторых критиков, приводит к определенной непоследовательности арбитражной практики урегулирования инвестиционных споров МЦУИС, а также вызывает критические высказывания в адрес данного института вплоть до обвинения в коррупции и нарушении принципа верховенства права.

Полагаем, что причиной такой ситуации, наряду с многими другими, в первую очередь выступает попытка авторов отдельных публикаций, а также и самих арбитров при вынесении решений приуменьшить и перевести в разряд второстепенных в процедуре урегулирования споров истинное значение теста Салини.

Так, в деле *Quiborax v. Bolivia* была предпринята попытка продвинуть одну из новых теорий определения инвестиций. Фундаментальные дебаты между *Quiborax* и *Salini* завязаны от понимания того, в какой степени при определении инвестиционных проектов они должны «способствовать экономическому развитию принимающего государства», чтобы считаться таковыми⁴. *Quiborax* утверждает, что, хотя Конвенция МЦУИС пытается стимулировать экономическое развитие посредством международных инвестиций, такое развитие не является необходимым элементом инвестиций⁵.

В рамках заявленной цели данной публикации стоит отметить, что отклонение *Quiborax* от *Salini* нецелесообразно по двум причинам, обе из которых основаны на Венской конвенции о толковании договоров. Во-первых, интерпретация *Quiborax* противоречит тексту Конвенции ICSID и излишне расширяет юрисдикцию ICSID. Во-вторых, отмена Салини создаст неопределенность в отношении инвестиций, споры в отношении которых подпадают под компетенцию ICSID.

Вопросы международно-правовой защиты иностранных инвестиций, а также толкования самой дефиниции «иностранные инвестиции» и урегулирования споров между инвестором и государством нашли рассмотрение в целом ряде научных трудов, статьях и монографиях зарубежных и российских исследователей.

¹ *Patrick Mitchell v. Democratic Republic of the Congo*, ICSID Case No. ARB/99/7, Decision on the Application for Annulment of the Award, 1.11.2006, пункт 27–41.

² *Malaysian Historical Salvors SDN BHD and the Government of Malaysia* (ICSID Case No. ARB/05/10).

³ URL: http://icsidfiles.worldbank.org/icsid/ICSIDBLOBS/OnlineAwards/C247/DC1030_En.pdf.

⁴ Compare, *Quiborax*, supra note 10, at n. 363, with Sakni, supra note 7.

⁵ Compare, *Quiborax*, supra note 10, at n. 363, with Sakni, supra note 7.

Исследуемые критерии оценки (так называемый эталон) и определения инвестиций в оптимальном виде содержатся в работе «Арбитраж споров в области иностранных инвестиций» [7. – С. 297–300]. Но наиболее лаконично, по нашему мнению, излагает пять академических составляющих этого эталона Кристоф Х. Шройер, максимально приблизив их к положениям, закрепленным в Конвенции ICSID [9. – С. 122–125].

Если их рассмотреть более детально, то можно увидеть следующие типичные для них особенности, пригодные для практического применения инвестиционным арбитражем МЦУИС, чтобы идентифицировать рассматриваемый в спорном кейсе проект в качестве инвестиций:

- в первую очередь – это капиталовложения, нацеленные на долгосрочность вклада;
- во-вторых, это капиталовложения, рассчитанные на получение прироста, получаемого, как правило, на постоянной основе;
- в-третьих, это капиталовложения, обремененные определенной степенью рисковости для обоих участников инвестиционного проекта такого масштаба;
- в-четвертых, это капиталовложения существенного масштаба применительно к инвестиционному проекту;
- в-пятых, это капиталовложения, являющиеся значимыми для развития экономического потенциала страны принятия инвестиций [6. – С. 125].

Таким образом, на основе рассмотрения и осмысления изложенных выше особенностей академического и практического применения исследуемых институций в рамках заявленной цели исследования можно заключить, что концепция дефиниции «иностранные инвестиции» содержит всеобъемлющие юридические и экономические характеристики, составляющие единую сущность искомой категории, которые выступают одним целым критерием, применимым в качестве измерительного инструмента во всей совокупности составляющих его компонентов, пригодных для оценки в арбитражной практике урегулирования споров между инвестором и государством, а также истинного понимания содержания инвестирования как специального, экономически ориентированного межгосударственного события по вложению частного иностранного капитала в экономику принимающей страны, облаченного в рамки международно-правовой защиты, тем самым отличного от других видов капиталовложений [7. – С. 41–50].

Полагаем, что проблема больше заключается не в отсутствии единого подхода к толкованию дефиниции «иностранные инвестиции» и ее всеобъемлющего определения в Конвенции, а в «философской подоплеке этих проблем» [2. – С. 10–21] и желании некоторых авторов, а также критиков подвести данную категорию под один статичный стандартный шаблон без учета изменений общественного и экономического прогресса в условиях повсеместной интернетизации социума.

«Чем глубже рассмотрение юридических проблем, тем очевиднее определяется, что в основе большинства вызываемых ими дискуссий и разногласий находится именно глубинное отличие в философской подпочве, в самых этических предпосылках для их решения» [2. – С. 10–21].

При этом практика инвестирования и обеспечения гарантий защиты иностранных инвесторов на основе Конвенции на протяжении последних десятилетий, а также урегулирование споров инвесторов с государством, подтверждают жизнеспособность, закрепленных в Преамбуле и статье 25 (1) концептуальных положений о квалификации инвестиций как таковых, как на момент ее принятия, так и в эпоху цифровой экономики и инноваций.

Выводы

1. Международное право защиты инвестиций во многом обусловлено практикой (судебными прецедентами) урегулирования споров в арбитражном производстве МЦУИС с участием государств и инвесторов, а также спецификой сложившихся правоотношений между принимающим государством и инвестором, которые перешли в спорный характер.

2. Конвенция МЦУИС содержит всеобъемлющие концептуальные юридические и экономические характеристики капиталовложений с иностранным элементом, пригодные для оценки в арбитражной практике урегулирования споров между инвестором и государством в условиях цифровой экономики.

3. Для создания привлекательного инвестиционного режима и усиления гарантий защиты иностранных инвесторов в период информационного общества положения Преамбулы и статьи 25 (1) Конвенции МЦУИС должны оптимально находить отражение в двухсторонних и многосторонних межгосударственных соглашениях об инвестициях, а также в национальном законодательстве государств.

4. Для определения того, какие транзакции арбитры должны рассматривать как инвестиции, тест Салини по-прежнему считается эталоном. Хотя повсеместно указывается, что критерии Салини – это не общеобязательный тест, а скорее топический, внешний тест, основывающийся на более или менее общих допущениях, он находит широкое практическое применение. Притом, что арбитры трибуналов ICSID официально не считают данный прецедент обязательным, Венская

конвенция позволяет им рассматривать его и придавать ему столько веса, сколько они пожелают.

5. Задачей дальнейших научных разработок данной проблематики может быть рассмотрение особенностей оптимизации и совершенствования механизма эффективного применения положений Конвенции в арбитражной процедуре урегулирования разногласий по спорным вопросам инвестиционных проектов применительно к современным аспектам индустрии цифровизации.

Список литературы

1. Гаджиев Г. А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству // Журнал российского права. – 2012. – № 1. – С. 10–21
2. Курбанов Р. А. Евразийское право. Теоретические основы = Eurasian Law. Theoretical Foundations [Электронный ресурс] : монография. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – (Современные тенденции мировой регионализации и интеграции).
3. Серeda В. А. К вопросу об экономико-правовой роли социального предпринимательства в развитии современной экономики (теоретический аспект) // Экономика. Право. Общество. – 2019. – № 3. – С. 19–26.
4. Сутормин Н. А. Иностранные инвестиции: понятие и его современные трактовки // Российское право: Образование. Практика. Наука. – 2017. – № 4. – С. 41–50.
5. Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 5–26.
6. Шилл Ш. В. Международное право защиты инвестиций и сравнительное публичное право: основания и методы публично-правовой модели инвестиционного арбитражного судопроизводства // ДПП ИМП. – 2012. – № 1. – С. 72–120.
7. Arbitrating Foreign Investment Disputes: Procedural and Substantive Legal Aspects / ed. by N. Horn. The Hague, 2004. – P. 297–300.
8. Grabowski A. The Definition of Investment under the ICSID Convention: A Defense of Salini // Chicago Journal of International Law. – 2014. – Vol. 15: – N 1. – Article 13. – URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol15/iss1/13>.
9. Schreuer Ch. H. The ICSID Convention: A Commentary. Cambridge University Press, the International Centre for Settlement of International Disputes, 2001.